

ство, или следование добродетели и гибель, равно как и пример Катона, оказались близки Радищеву и повлияли на речь крестницкого дворянина.

Крайне интересно, что в поисках отправной точки для рассуждений Радищев обратился не к «Общественному договору», с известной долей догматизма излагающему нормы идеального общественного порядка, а к более ранней полемической брошюре, где внимание было обращено на разрыв между идеальным царством добродетели и политической реальностью XVIII в. и как следствие этого на то, что нормой поведения гражданина является не покой и счастье, а героизм и гибель.

В главе «Едрово» путешественник предлагает матери крестьянской девки Анюты сто рублей приданого, без чего свадьба не может состояться. Крестьянка отвечает ему суровой отповедью: «И на том спасибо. Приданова бояре девкам даром недают. Если ты над моей Анютой что сделал, и за то даешь ей приданое, то Бог тебя накажет за твое безпутство; а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и неругаешься над бедными, то взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают» (I, 307). Далее автор рассуждает о бескорыстии крестьян, сопоставляя его с нравственным падением жителей городов, в особенности дворян.

Эпизод этот производит в достаточной мере литературное впечатление: противопоставление нравственности и душевной чистоты поселян разврату городских жителей, дворян или придворных стало общим местом массовой французской литературы середины XVIII в., перекочевав со страниц памфлетов Руссо и сочинений энциклопедистов на листы многочисленных брошюр и на подмостки театров, ставивших популярные однодневки Бонуара, Шарля Саблье, Мерсье и др.²⁰

Тем более интересно сопоставить его с отрывком из «Записок» И. В. Лопухина. Эпизод, который мы цитируем ниже, имел место во время сенатской ревизии 1800 г. и, следовательно, никакого воздействия на автора «Едрова» оказать не мог. Он интересен как свидетельство того, что книжность и жизненность отнюдь не обязательно являются взаимоисключающими началами. В «Записках» Лопухина читаем:

В городе Вятке, который тогда по крайней мере похож был больше на богатое село, нежели на губернский город, обычай у поселянских девок торговать калачами, булками, пряниками и всякой мелочью. Они сидят все рядом в лубочных своих лавочках, которые называются балаганами, и их несколько десятков, может быть и под сотню. В пених своих прогулках часто я покупал у них калачи или булки, давая им всегда по несколько копеек лишних. Однажды, покупая у одной из них, девки лет восемнадцати, не красавицы, однако лица приятного, и приметив из раз-

²⁰ См. подбор пьес этого рода в кн.: *Иванов Ив.* Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. — Учен. зап. имп. Моск. ун-та, отдел историко-филологич., 1895, вып. XXII, с. 453 и др.